

ДЕТИ ВОЙНЫ — ДЕТИ ПОБЕДЫ

Детство Томы

Дед был страшный. Старый и хромой, и пахло от него плохо. Но мама сказала, что это ненадолго. «Скоро фашистов прогоним, и я приеду, а пока ты с дедушкой поживи». Ага, с дедушкой... Томка его никогда раньше не видела. Мама сказала, что он в Дулебах жил. А теперь пришёл к ним в Кличев¹ и будет здесь жить. А Ванечку бабка увезла. Ванечку жалко, а бабу — нет. Она злая, потому что шипит на

Томку: «чикискин выродок». Что такое выродок, Томка догадывается, а что такое «чикиска» — нет. У мамки не спрашивала, мамка не любила вопросов и никогда не отвечала. Ну и Томка перестала спрашивать. Просто к бабке под руку не совалась после того, как та ей полкосы выдрала. Молоко не взболтала, когда наливали в тарелку с хлебом. Мама в форме красивая была, краше, чем в том синем платье, которое папа ей подарил. Папа ещё раньше ушёл. Вечером был, а утром уж нет. Мама сказала: «Бить фашистов». А теперь и ей пора. Просила с дедом пожить недолго. Ладно, поживу. Только пусть он не дерётся. Ну, это она мамке не говорила, просто подумала.

И стали жить вместе. Дед всё время молчал. Стоял у ворот и смотрел, как мимо солдаты идут, запыхлённые, глаз не поднимают. Один воды попросил, а дед повернулся, да и ушёл в дом. Воды ему жалко. Томка сама принесла в ковшике. Потом самолёт пролетел. Не наш, фашистский, низко так. И было не страшно, а просто громко очень.

А на поле за ручьём и дорогой упал наш самолёт. И сгорел. И все сгорели, даже тот лётчик, которого потом нашли совсем голого и обгорелого далеко от самолёта. Он уже неживой был, и его похоронили мужики. Дед тоже ходил хоронить, а Томке велел из дома не выходить.

Когда пришёл, достал какую-то карточку, всё смотрел-смотрел. Томка потом, когда дед уснул, тихонько с печки слезла, дед даже и не чухнулся, и в карман залезла, куда карточку дед спрятал. Мужик в форме. Кто вот это? Это уж потом дед сказал, что это её отец. А папа Вася тогда кто? Запуталась Томка. Мама зато у неё и у Ваньки общая. Красивая. Это так папа говорил. Томка думала, что когда вырастет, тоже будет красивая. Потому что никакая она не чикиска, у неё мама есть, как у всех. Это бабка вредная и злая. Ваньку любит, а её — нет. Ну, Ванька маленький, маленьких все любят. Мама телефонистка. Она тоже воюет. Наверное, ей теперь не только телефон, но и винтовку дадут.

Раньше ребята на улице говорили, что к ноябрьским фашистов точно не будет, и тогда уже отпразднуем. 7 ноября — красный день календаря. Томке пять лет,

она уже большая. И праздники все знает: 7 ноября, 1 мая. Какие-то ещё были, но она забыла. Потом вспомнит. А сейчас ещё лето, и война только всего неделя. Вторая пошла. Мама сказала — недолго, а уже давно. И солдаты наши больше не шли. Сосед

не понравилась, потому что пахла плохо. Один всё время одеколоном руки протирал. А другие — нет. И смеялись над тем, который с одеколоном.

Немцы из дома скоро ушли, зато пришли какие-то мужики с повязками и стали везде шарить. Обыск, сказали. Жидов искали и бандитов. Потом ребята сказали, что так немцы и полицаи, те, которые с повязками, называют партизан. Партизан — это те, которые в лесу живут и немцев убивают. Вокруг Кличева всё леса да болота. Немцы и полицаи их ни за что не найдут. Полицаи и у них в доме никого не нашли, только молоко выпили, а крынку разбили об пол. А деду сказали, что всё про него знают. И про Томку спросили, кто такая. Дед сказал: «Внучка». А про сына сказал, что на фронте. А про мамку не спросили. Томка потом спросила деда, где мамка, а дед сказал, что ж её знает.

Потом по улице пошли яврей². Отовсюду их собирали в колонны, а все стояли и смотрели, как они шли. По краям колонны шли мужики с повязками на рукавах, как у дружинников, но белого цвета. И с оружием. А сами не в форме. Один что-то деду крикнул, а дед сплюнул в ответ. А тот заматерился, но ничего деду делать не

все весёлые, и не по-нашему: гыр-гыр-гыр... Потом пришёл дед Анисим и велел деду идти к райисполкому. Дед ушёл, пришёл несомно и сказал, что к ним немцев поселят. Томка испугалась, да делать нечего. Дед стал всё прятать: и еду, и скатерти, и даже старую шинель. Весь вечер прятал, потом Томка уснула, а дед всё прятал. И на другой день тоже прятал. Даже все фотокарточки со стен снял и унёс в чулан. Вот зачем — непонятно. Только кур не спрятал и козу Маньку. Да и куда их спрячешь? Но их-то, наверное, не заберут?

Немцы поселились на пятый день, дед с Томкой уж решили, что обошлось. Пришли шесть человек и стали устраиваться. Они были незлые, только брали что хотели и не спрашивали. На печке никто спать не стал, поэтому Томка с дедом так там и остались. Кур они сожрали очень скоро. Только Пеструшка убежала, они её не поймали. Ещё коза оставалась, её дед доил, и они с Томкой молоко пили. Немцы козье молоко не пили, брезговали, потому что коза была грязная. Томка сразу это поняла, потому что немцы смеялись и кривили морды. Вот это была радость. Они по горнице в сапогах ходили, и им ничего. И ели из грязной посуды. А коза им

стал, потому что на службе. Было жарко, а евреи многие были даже в зимних пальто и тулупах. Томка потом у деда спросила, кто такие евреи, а дед сказал: «Люди», и больше ничего. Они люди, и мы люди. Они куда-то идут как арестанты, а мы не

идём. Почему они идут, а мы — нет? Значит, мы не евреи? Но Томка деда спрашивать не стала. Дед ушёл куда-то и долго не приходил.

Когда колонна с евреями прошла, Томка убежала к ребятам за огородами. Там Федя³ Большой сказал, что евреев погнали в за

реку. За Ольсу, значит. Жить там будут. И из Кличева, и из Дулебов, и из других мест. Всех за Ольсу. Томка никогда не видела так много людей. И дети там были. Федя сказал «жиды», а не евреи. Тоже новое слово. Ещё «гэта». Такой город для евреев.

Но город строить не стали. А осенью в Поплавах выкопали огромный овраг, а потом всех евреев постреляли и землей засыпали⁴. На третий день ребята туда бегали, говорили, что земля дышит, и стоны слышатся. Жутко. Врут, наверное. Пугают. Так много людей просто так убить? Томка у деда спросила, правда, что люди под землёй могут жить, а он дал ей затрещину и велел помалкивать.

А Пеструшка побегала, да и вернулась. Стало холодно на улице, и дед взял её в дом. Так и жили зимой. Снова немцы заселились, уже другие, требовали у деда еды. Дед только «нихт» да «нихт», значит «нет» по-ихнему. А Томке дед курицу под платье засунул на печке и велел держать и не двигаться. Немцы за столом сидели, а Томка на печке. Только курица не захотела тихо сидеть под платьем, вырвалась да с печки слетела. Немцы обрадовались, стали кричать и смеяться, ловить. Поймали, голову оторвали, потом ошпили и съели. Теперь у них с дедом осталась только коза. Дед молоко на хлеб менял.

Новое дело — партизаны. Всё время о них разговоры разговаривали. Немцы их боялись. Они и по домам жить перестали, потому что стали жить все вместе в школе. Там их было много, и им, наверное, не так страшно. И полицаи, это те, с белыми повязками, тоже по домам жить не стали. Чуть что, немцы сразу: «партизанен», «партизанен». И всё по домам шныряют эти полицаи, партизан ищут. На площади виселицу поставили — партизан вешать. И ещё тех, кто евреев убивал. На площадь дед Томке не велел ходить, она и не ходила. Ребята рассказывали, что мужика одного повесили, за то, что партизанам помогал. Партизану наши, как же им не помочь? Только надо так, чтобы немцы и полицаи не узнали. Вот как узнали? Кто-то выдал. Предатель. Его самого повесят, когда наши придут, все так говорят.

деревни пожгли вместе с людьми, чтобы партизанам не помогали. В марте партизаны пришли в Кличев и постреляли всех немцев. Бой был прямо в городе всю ночь и утро⁷. Потом партизаны ушли, но сначала начальника, который бургомистр, повесили⁸. Томка знала, что теперь их всех тоже сожгут, если к партизанам не убежит. А куда бежать — дед хромой и старый, а Томка малая.

Весна прошла, и лето. Тут-то можно было шавель есть, грибы, ягоды, вишню. Потом осенью яблоки поспели. А потом дед помер. Уже зима начиналась. Томка проснулась, а дед лежит как неживой под тулупом. И вправду неживой, потому что Томка его и трясла, и в глаза дала, и звала. Тогда она поняла, что умер. Побежала, в чём была, к соседке тёте Марфе. Та пришла, поглядела. Потом ещё бабы пришли, их тётя Марфа позвала. Деда унесли хоронить два мужика за ведро картошки. А Томка одна осталась. Теперь она сама хозяйка. Только ночью страшно. Ребята сказали, что душа покойника сорок дней мытарится, пока не упокоится совсем. И домой часто заглядывает. Томка всё ждала, когда дед домой явится, но он так и не пришёл.

В холода, когда снег выпал и уже не таял, пришла тётя Фиса, с другого конца улицы, и велела ей собираться. К себе взяла на зиму, чтобы не замерзла. Дров-то уже совсем не было. Тётя Фиса забрала всё, что ещё оставалось из еды, и козу. И Томка стала у них жить. Зиму как-то прожили. У тёти Фисы два сына воевали, вестей не было никаких, а две девочки старше Томки, с ней не играли. Работы у всех было много, не до игр. Как с осени партизаны снова захватили Кличев, так всё время и воевали с немцами то в лесу, то в городе. Даже аэродром, говорили, у партизан свой был. Врали, наверное⁹. Партизаны часто кого-нибудь убивали, и немцы решили город разбомбить. Наверное, из-за партизанского аэродрома. Когда стали бомбить, все в лес убежали, но всё равно не все успели. А когда вернулись домой, Томка увидела на месте своего дома большую яму. А дом тёти Фисы уцелел. 1 мая немцы стали жечь Кличев, дома с людьми. Сколько-то домов сожгли, а потом перестали. Им тоже в горелом городе делать было нечего. И люди все разбежались. Ну не все, но много. Немцы ушли из Кличева летом¹⁰. И 1 сентября открыли школу. Все пошли, а Томка не пошла. Ей и пойти не в чем. Что босая, ладно. Все без обуви, а вот у неё даже платья не было. В мешке прорезали три дырки, для рук и головы, так на голое тело и надела.

А потом приехала мама. И было это так. Томка сидела на лавочке перед домом, и вдруг бегут ребята и кричат: «К Томке мать приехала!» А за ними на телеге женщина в военной форме. Томке вдруг перехватило горло, и она стала задыхаться. И в груди стало так больно, что она подумала: «Вот я сейчас умру!». Вскоčila и убежала куда глаза глядят. Долго не могла заставить себя вернуться. А потом пошла к своему дому. К яме на месте дома. Там мама сидела прямо на земле. Томку ждала. Мама была в партизанском отряде. У неё много наград, ордена и медали. И ребёночек в животе. Мама сказала, что папа погиб на войне. Жить стали в землянке, которую мама с Томкой вырыли во дворе. Ког-